

Финансовая жизнь Минска (08.08.1919—11.07.1920)

Юлия ЛАТУШКОВА

Младший научный сотрудник
ГНУ Институт истории
Национальной академии
наук Беларуси

Финансовая жизнь Минска периода польской оккупации (08.08.1919—11.07.1920) в научной литературе изучена слабо. Если проблемы политической истории этого времени неоднократно привлекали внимание историков, то вопросы экономики и повседневной жизни города мало освещены в работах исследователей.

Между тем для большинства обывателей на первом плане всегда были проблемы финансовые, от решения которых зависел не только уровень жизни, но часто и сама жизнь горожанина и его семьи. Со стороны населения отношение к власти во многом определялось успешностью проводимой финансовой политики, реакцию обывателей достаточно четко можно проследить по котировкам валют к ряду моментов денежного обращения. Таким образом, для полной и целостной картины жизни города знание подобных фактов крайне важно.

Резкая смена власти и политического режима редко проходит безболезненно для местного населения и хозяйства. Не стал исключением и начальный период

польской оккупации. Горожан, так же, как и учреждения кооперации и Магистрат, прежде всего серьезно тревожила ситуация с денежными знаками.

Именно деньги, а вернее, проблемы, связанные с их отсутствием и сложностями их обращения, являлись одной из самых актуальных тем, поднимавшихся в местной прессе. Благодаря этому такая ежедневная городская газета, как “Минский курьер”, остается для исследователей одним из важных источников по денежному обращению и финансовой жизни Минска периода польской оккупации.

Несомненно, к информации, размещавшейся на страницах прессы, следует относиться критически; необходимо помнить и про политическую подоплеку ряда материалов, и про возможные убеждения и заблуждения журналистов. Естественным следствием “смутного времени” и необходимости подстраиваться “под власть” был значительный объем тенденциозных и не всегда достоверных материалов. Тем не менее при внимательном изучении газетных публикаций удаётся составить картину жизни города, очертить основной круг проблем, волновавших минчан в рассматриваемый период. Необходимо отметить, что сравнение публикаций в прессе с другими источниками, равно как и их подробный анализ, в задачи данной статьи не входит.

Следует сказать несколько слов о специфике денежного обращения и экономических реалий Минска в этот период. За весьма короткое время он, как и многие другие губернские города бывшей Российской Империи, перенес смену властей, каждая из которых оставила свои денежные знаки. В основном это были выпуски центральных и оккупационных властей. В отличие от ряда территорий России и Украины местное и частное “деньготворчество” не получило тут широкого распространения. Кроме русских рублей, ОСТов и немецких марок, с различного рода иностранными благотворительными миссиями и через эмигрантов в Минск поступали доллары, франки, фунты стерлингов.

На момент польской оккупации в денежном обращении Минска в качестве основных валют ходили “советские” и “керенки”. Цены чаще всего указывались именно в них, в них же получали зарплаты служащие. Реже встречались (и намного выше котировались) “думские” и “царские”. Сложнее указать роль и место в реальном обращении ОСТов и немецких марок.

При установлении в городе польской оккупационной власти в денежном обращении сложилась запутанная ситуация. Она оказалась крайне сложной в первую очередь для жителей города и Магистрата. Оккупационные власти были поставлены перед необходимостью установления нормальной хозяйственной жизни в городе, напрямую связанной с деньгами.

Важнейшими из таких проблем стали недостаток наличности в царских деньгах, по умолчанию принятых новой властью за основную валюту, и отсутствие в городе твердого официального курса денежных знаков. Насколько проблема была критична, видно из этого материала: “Большим препятствием в распределении продуктов среди населения является отсутствие в публике и даже в учреждениях царских денег и неустойчивый денежный курс [...]. Отсутствие денежного курса сказывается решительно на каждом шагу, во всех проявлениях местной жизни. И общим криком во всех учреждениях и кооперативах является — установление в возможно близком времени денежного курса”¹.

Первоначально отсутствие твердого курса валют связывалось в прессе с отсутствием кредитных учреждений. На момент польской оккупации города функционирующих кредитных учреждений в нем не имелось, о чем сообщается в газете “Минский курьер” от 26.08.1919 № 1: “Отсутствие в Минске банка и вместе с тем денежного курса самым неблагоприятным образом отражается на торгово-промышленной жизни города. Отсутствие денежного курса вызывает страшную путаницу при всякой купле-продаже, вызывает резкое колебание курса денег и на руку только всевозможным спекулянтам. Из-за отсутствия денежного курса не может нормально развиваться дело нашего городского хозяйства. Магистрат города Минска обратился к подлежащим властям с ходатайством о скорейшем приезде в Минск банка и установлении денежного курса”².

Нормализация денежного обращения, установление твердого курса валют и начало нормальной работы кредитных учреждений — одна из важнейших тем, неоднократно поднимавшихся в прессе. Проблема стояла крайне остро, причем заинтересованы в ее решении были все, начиная с рядовых обывателей. Так, в “Минском курьере” от 27.08.1919 № 2 журналист пишет: “...Многим казалось, что как только придут поляки — не только Свислочь, но и Немига потекут молоком в кисельных берегах, на деле же дороговизна лишь медленно, хотя и неуклонно, уменьшается, но, к ужасу минчан, делу сильно портит разнообразие наших денежных знаков. Советские деньги принимаются весьма неохотно, и некоторые категории товара абсолютно невозможно купить за “советки”, плохо идут и керенки — на базаре у крестьян ни за керенки, ни за советки нельзя купить ничего. Охотнее берут “думки” — но крупные купюры мешают их свободному обращению. Все жаждут, все хотят получать деньги царские — но где их взять? Не все состоят на службе и не все получают жалованье царскими рублями или немецкими марками, а обменивать — никому

неохотно, раз еще не существуют у нас правильно функционирующие кредитные учреждения”³.

Из приведенного отрывка, кроме прочего, заметно отсутствие в перечне указанных валют польской марки, и это не случайность. 28 августа при характеристике положения “на местной неофициальной бирже” “Минский курьер” отмечает: “Отсутствие в городе польских и немецких марок делает большие затруднения при оборотах в коммерческом мире”⁴; 29 августа 1919 г. газета пишет: “Большой спрос на польские и немецкие марки, которых очень мало на рынке”⁵, 31 августа указывает: “Проявляется большой интерес к польским, немецким маркам и ОСТАм, которых на рынке почти нет”⁶.

В первые месяцы польской оккупации все цены в городе были переведены в царские рубли. Это вызвало серьезный рост цен (отчасти замаскированный уменьшившейся цифрой на ценнике) и недовольство населения. Так, в заметке “В городском ломбарде” указывается: “В последние дни городской ломбард осаждается публикой, выкупающей заложенные вещи. В уплату принимаются исключительно царские деньги. Публика, конечно, протестует, ибо большинство залогов было сделано еще при большевиках и за них выдавали ссуды советскими деньгами. Протесты вполне резонны: разница в курсе царских и советских денег велика, и ссуду, полученную советскими деньгами, уплатить теперь царскими для бедняка крайне затруднительно [...]”⁷.

Сложная ситуация, для решения которой был создан специальный Конфликтный подотдел при Торгово-промышленном отделе управления Генерального комиссариата Восточных земель, возникла на той же почве между домовладельцами и нанимателями квартир: “[...] число этих столкновений в настоящий момент очень велико — все недоразумения происходят из-за категорического требования со стороны многих хозяев увеличенной квартирной платы непременно вперед и, притом, царскими деньгами”⁸.

В целом же материалы “Минского курьера”, посвященные уровню цен, носят противоречивый характер. Регулярно публикуются сообщения об удешевлении продуктов⁹; одновременно появляются критические статьи с подробным анализом цен на различные товары и услуги при большевиках и современных при польской власти с указанием разницы при пересчете цен из “керенок” и “советских” в царские и обратно¹⁰.

Хозяйственные дела города также оказались отнюдь не блестящи. В газете неоднократно поднимается тема состояния кассы города и городского хозяйства. Магистрат оказался в тупике. Положение живописуется самыми мрачными красками: “В переживаемый момент положение городских финансов является катастрофическим [...] необходимо безотлагательно,

¹ Денежный курс и распределение продуктов // “Минский курьер” № 5 от 30.08.1919. С. 4.

² О денежном курсе // “Минский курьер” № 1 от 26.08.1919. С. 4.

³ Имейте терпение // “Минский курьер” № 2 от 27.08.1919. С. 1.

⁴ Биржа // “Минский курьер” № 3 от 28.08.1919. С. 4.

⁵ Биржа 29 августа // “Минский курьер” № 5 от 30.08.1919. С. 4.

⁶ Биржа 31 августа // “Минский курьер” № 7 от 01.09.1919. С. 2.

⁷ В городском ломбарде // “Минский курьер” № 2 от 27.08.1919. С. 4.

⁸ Конфликтная комиссия // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 3.

⁹ Местный рынок // “Минский курьер” № 2 от 27.08.1919. С. 4; На базарах // “Минский курьер” № 9 от 03.09.1919. С. 4.

¹⁰ Самсон, Б. Цены и спекуляция // “Минский курьер” № 5 от 30.08.1919. С. 2; Самсон, Б. Их аппетиты // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 2, 3.

всеми возможными способами пополнять городскую кассу¹¹; “Общее положение городского хозяйства представляется в плачевном виде. Недостаток продовольствия, материалов для отопления и освещения при полном отсутствии средств при наличии переполнения городских учреждений чрезвычайно затрудняет задачи Магистрата. Наряду с этим штат служащих Магистрата совершенно деморализован¹².”

Естественно, указывается и виновник нынешнего положения: “Советские власти своими коммунистическими приемами совершенно разрушили городское хозяйство, оставив нам в наследство пустую кассу, хаос и полную дезорганизацию во всем. И полное отсутствие средств не дает возможности удовлетворить самым насущным потребностям города¹³.”

Руководство Магистрата судорожно пытается выйти из положения, предполагая “стянуть в кассу все недоимки за прошлое время” и “принять меры к своевременному поступлению в городскую кассу очередных налогов¹⁴”. В газете публикуется воззвание от бургомистра г. Минска к горожанам, в котором после подробного описания состояния дел указывается: “...Магистрат надеется, что это население проявит больше терпения и не откажет ему в своей помощи в усилении средств городской кассы своевременным внесением налогов¹⁵.”

При этом тот же бургомистр города М. Довнар-Запольский понимает, что “...ввиду обнищания населения городские налоги будут поступать неаккуратно¹⁶”. Дефицит городского бюджета по смете составляет около 5800000 рублей. Получить эту сумму Магистрат намеревался путем заключения займа¹⁷.

Принятое Магистратом решение о взыскании налогов в царской валюте ударило по карману и вызвало недовольство горожан, последовал и ряд ходатайств от них. Так, например, в “Минском курьере” опубликовано ходатайство домовладельцев: “...постановление Магистрата о том, чтобы все городские налоги, в том числе и налоги за воду, вносились в кассу царскими или марками или думскими по курсу 50 к. за рубль. [...] налог за воду относится к прошлому полугодью, когда домовладельцы получали арендную плату исключительно керенками или “советскими”. В апреле с. г. советскою властью налог за воду был увеличен с 4 р. за 1000 ведер до 20 р., т. е. в 5 раз. Вследствие этого возбуждается ходатайство об уменьшении налога до первоначального размера, или же, чтобы домовладельцам было разрешено платить за воду за прошлое полугодие керенками или думскими¹⁸.”

В итоге Магистрат вынужден был обратиться к заместителю Генерального комиссара В. Рачкевичу с

просьбой урегулировать вопрос о денежной валюте: “В виду того, что у населения гор. Минска имеются в большом количестве случаи только денежные знаки Советского правительства — “керенки” и “советские” Магистрат обратился к заместителю Генерального комиссара В. Рачкевичу с просьбой урегулировать вопрос о денежной валюте, причем Магистрат, в интересах населения, полагает желательным оставить временно в обращении все денежные знаки, курсировавшие раньше¹⁹.”

В затруднительном положении оказались не только частные лица и Магистрат, но и кооперативы: “[...] При оставлении города большевиками наличность кооперативов заключалась главным образом в советской валюте и “керенках”. Теперь же кооперативам приходится обменивать эту валюту на царскую с большим для себя убытком²⁰”. Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, правление Центрального союза потребительных обществ Белорусского края приняло решение: “[...] все товары, отпускаемые провинциальным кооперативам, переоценить на думскую валюту. Касса союза будет принимать царские деньги по расчету 1 рубль царский — 2 рубля думских. Керенки и советские будут приниматься в кассу условно, до установления курса на них, но с тем, что весь заготовленный товар в союзе будет продаваться на царские или думские деньги, причем, керенки и советские деньги должны быть в последствие обмениваемы в кассе союза по установленному курсу²¹.”

Правление рабочих кооперативов пошло несколько другим путем: “...постановлено отпускать товары на царские деньги. Прежние товары, цены коих установлены в керенках, будут и впредь отпускаться в этой валюте. Установлен также курс на марки, причем Остмарка равна 1 царскому рублю, а Острубль 2 царских рубля²².”

В это время польская марка, за редким исключением, не фигурирует ни в приводимых газетой котировках валют на местной бирже, ни при указании цен. Основной валютой выступают “царские” рубли.

Насколько велика была разница в курсе между различными видами валют, имевших активное хождение в городе, можно судить по котировкам, регулярно приводимым газетой. Так, 27 августа “на местной неофициальной бирже” за 100 руб. царских платили 450—460 “керенских”, либо 245—250 думских; за 100 думских шло 170—175 “керенских”; за 100 “керенских” — 130—135 советских. Тут же указывается, что: “На “Бирже” в большом предложении “керенки”, а потому курс их с каждым днем понижается. Большой спрос на царские и думские. От крупных сделок воздерживаются в ожидании открытия правитель-

¹¹ Финансы г. Минска // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 4.

¹² О смете г. Минска // “Минский курьер” № 8 от 02.09.1919. С. 4.

¹³ К населению города Минска // “Минский курьер” № 7 от 01.09.1919. С. 1.

¹⁴ Финансы г. Минска // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 4.

¹⁵ К населению города Минска // “Минский курьер” № 7 от 01.09.1919. С. 1.

¹⁶ О смете г. Минска // “Минский курьер” № 8 от 02.09.1919. С. 4.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ходатайство домовладельцев // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 4.

¹⁹ О “керенках” и “советских” // “Минский курьер” № 9 от 03.09.1919. С. 4.

²⁰ Распределение продуктов // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 4.

²¹ Расплата за товары // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 4.

²² Продажа товаров в рабочем кооперативе // “Минский курьер” № 8 от 02.09.1919. С. 4.

ственного банка. В общем, курсы неустойчивы и подвергаются значительным колебаниям; таким образом, в течение дня курс разнится на 10—15%, между тем при более устойчивом положении разница курсов покупателей и продавцов должна быть не более 2—3% [...]”²³. 31 августа на той же “бирже” сделки совершались уже по несколько иному курсу: за 100 царских платили 640—650 “керенских”, или 310—315 думских; за 100 думских — 200—205 “керенских”; за 100 “керенских” — 125—130 советских²⁴.

Газета, кроме прочего, пишет: “С каждым днем замечается усиленный прилив керенок из Вильно”²⁵; “Все еще ищут царских, продавцов мало. Приток из Вильны и Варшавы керенок продолжается. Публика, опасаясь дальнейшего падения курса керенок, воздерживается от продажи царских, последнее объясняется также появлением на рынке в большом количестве фальшивых керенок, которые трудно отличить от настоящих”²⁶. Приток значительного количества как подлинных, так и (тем более!) фальшивых керенок еще сильнее осложнял ситуацию, сложившуюся в денежном хозяйстве города.

Курсы “Местной неофициальной биржи” были не единственными в Минске. Кроме стихийной биржи после захвата города поляками открылись и начали функционировать меняльные конторы на Захарьевской и Койдановской улицах. Основной их задачей было “обменивать курсирующие в Минске денежные знаки, кроме “советских”, по следующему курсу: 1 рубль царский равняется 1 марке 10 пфеннигам польских. 1 рубль думский — конторы будут обменивать на польскую или царскую валюту согласно курсу Варшавской биржи, отчеты о сделках которой будут ежедневно даваться в нашей газете, а “керенки” расцениваются на 25% ниже “думских”²⁷. Предусматривалось, что за обмен денежных знаков конторы будут взимать плату не выше 1%.

В силу насущной необходимости выработало свой курс и правление Союза потребительных обществ: “Не имея никаких директив и официального курса, правление при отпуске товаров выработало временно следующую валюту: товар будет отпускатся главным образом на царские деньги, керенку в 20 руб. расценивать в 4 рубля царских. Оставшиеся суммы и авансы, внесенные общественными организациями и кооперативами, перевести на курс царских денег”²⁸.

В сложившихся обстоятельствах большие надежды возлагались на банки, и в первую очередь на правительственный: “Как нам сообщают из авторитетных источников, в ближайшие дни в Минск прибудет пра-

вительственный банк. Банк будет производить операции по обмену русских денег на польские марки. Приезд банка положит конец денежной спекуляции, пустившей глубокие корни [...]”²⁹. Но уже через несколько дней на совещании представителей банков и кооперативов озвучена диаметрально противоположная мысль: “[...] Из многочисленных докладов представителей банковского и кооперативного мира выяснилась абсолютная невозможность широкой экономической и финансовой работы, ввиду отсутствия определенного курса. Деятельность банков крайне ограничена и сводится исключительно к одной операции — обмену денег. Банки и кооперативы бессильны оказывать влияние на курс валюты. Дабы положить предел такому неопределенному и спекулятивному курсу денег, решено ходатайствовать перед соответствующими властями о назначении твердого курса”³⁰. О назначении твердого курса денег ходатайствует и Магистрат: “Мы указывали местным властям на то, что отсутствие денежного курса тормозит работу Магистрата и вызывает массу затруднений. К нашему ходатайству об установлении денежного курса отнеслись сочувственно, но разрешение этого вопроса зависит от Варшавы, куда по этому поводу отправлен запрос”³¹. Подобным образом (распоряжением Комиссара Виленского округа) был установлен с 25 августа обязательный официальный курс русских денег в Вильно. Согласно ему 100 рублей царских = 100 маркам = 285,71 рубля думскими. 100 рублей думскими = 35 рублей царскими = 35 марок³².

В начале XX в. в Минске функционировала сеть кредитных учреждений, однако после 1917 г. все они были упразднены, за исключением Минского отделения Государственного банка, которое в марте 1919 г. было реорганизовано в Минскую окружную контору Народного банка³³.

Вскоре после оккупации города поляками начался интенсивный процесс восстановления кредитных учреждений. Одним из первых заявило о возобновлении деятельности местное отделение Русско-Азовского банка: “...впредь до завязывания сношений с иностранными банковскими центрами, открыть в Минске самостоятельные банковские операции, комиссионные поручения, валютные операции и т.д. Банк начнет функционировать в ближайшие дни”³⁴.

С 1 сентября предполагалось возобновить операции по приему и выдаче ссуд в Минском городском кредитном обществе³⁵. При этом указывалось, что “все операции производятся в царской валюте. Запасные капиталы банка были своевременно вывезены и находятся в полной сохранности. Банк будет также по мере воз-

²³ Биржа 27 августа // “Минский курьер” № 3 от 28.08.1919. С. 4.

²⁴ Биржа 31 августа // “Минский курьер” № 7 от 01.09.1919. С. 2.

²⁵ Биржа 29 августа // “Минский курьер” № 5 от 30.08.1919. С. 4.

²⁶ Биржа 31 августа // “Минский курьер” № 7 от 01.09.1919. С. 2.

²⁷ Валюта // “Минский курьер” № 3 от 28.08.1919. С. 4.

²⁸ Заседание правления союза потребительных обществ // “Минский курьер” № 4 от 29.08.1919. С. 4.

²⁹ Приезд банков // “Минский курьер” № 2 от 27.08.1919. С. 4.

³⁰ Совещание представителей банков и кооперативов // “Минский курьер” № 4 от 29.08.1919. С. 4.

³¹ Вопросы городского хозяйства (Беседа с бургомистром М.В. Довнар-Запольским). Денежный курс // “Минский курьер” № 3 от 28.08.1919. С. 4.

³² Курс русских денег в Вильне // “Минский курьер” № 3 от 28.08.1919. С. 4.

³³ Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1793—1917) / Сост. Т.Е. Леонтьева. С. 165.

³⁴ Банки // “Минский курьер” № 3 от 28.08.1919. С. 4.

³⁵ Правление Минского городского кредитного общества (Подгорная, 48) // “Минский курьер” № 4 от 29.08.1919. С. 1.

возможности производить оплату по купонам”³⁶. Одновременно прекратило выдачу ссуд “до установления курса” 1-е Минское ссудосберегательное товарищество³⁷. Предполагал восстановиться операции “в ближайшие дни” Купеческий банк, невзирая на то, что “все имущество и капиталы были вывезены большевиками”³⁸.

Следует отметить, что в этот период ценные бумаги Российской Империи, в том числе и закладные листы городских банков и облигации Минского городского кредитного общества, пользуются неизменным спросом на местной бирже³⁹.

Кроме восстановления учреждений, возникших и функционировавших еще в Российской Империи, создавались и новые банки. Так, совещание представителей банков и кооперативов, состоявшееся 27 августа 1919 г., постановило: “...дабы объединить действия всех кооперативов решено в ближайшем будущем открыть Кооперативный Краевой Банк, который будет производить закупку продуктов для кооперативов всего Белорусского Края”⁴⁰.

Тем не менее до приезда правительственного банка деятельность кредитных учреждений была весьма стеснена: “Местные банки, не имея из своих центров директив и инструкций о производстве операций, вынуждены крайне ограничить свою деятельность, которая ныне выражается почти в одной лишь операции — обмене денег”. В минских банковских кругах с приездом правительственного банка были связаны большие ожидания: “...сфера деятельности местных банков расширится: явится возможность завязать сношения с иностранными банками, производить продажу и покупку процентных бумаг и т. д.”⁴¹.

Вопрос открытия банков и возобновления их операций, несмотря на некоторые успехи, оставался крайне болезненным, и в “Минском курьере” от 05.09.1919 № 11 читаем: “В местных банковских кругах решено в ближайший месяц созвать съезд представителей банковского мира для обсуждения целого ряда вопросов. Хозяйствованием большевиков в нашем крае совершенно разрушены и уничтожены все банки. Воссоздание банков явится одним из главных факторов экономического процветания нашего края”⁴².

Таким образом, непосредственно после ухода из города большевиков в начальный период польской оккупации в Минске продолжала функционировать “неофициальная биржа по Богадельной улице”, котировки которой оказывали самое непосредственное влияние на всю хозяйственную и финансовую жизнь города. Они, наравне с котировками частных меняльных контор, как и на Варшавской, и Виленской биржах, регулярно публиковались в “Минском курьере”. В городе процветала спекуляция деньгами на уровне частных лиц.

Созданный новыми властями Магистрат оказался в крайне сложной ситуации. Ввиду пустой кассы и ос-

трой нехватки денежных средств, разрушенного городского хозяйства и огромного дефицита по смете он был вынужден усилить налоговый гнет. Одновременно руководством города изыскивалась возможность привлечения дополнительных денежных средств — предполагалось заключить заем и обратиться к польским властям за предоставлением городу ссуды⁴³.

Требование внесения налогов и оплаты товаров исключительно в “царской” валюте в городе, основная наличность населения и учреждений которого выражалась в стремительно обесценивающихся “керенках” и “советских”, было, по сути, невыполнимо и породило порочный круг. Положение осложняется притоком из Варшавы и Вильно значительного количества “керенок”.

Введение в качестве основной валюты царского рубля вызвало большое количество проблем, злоупотреблений, рост цен и вполне предсказуемое недовольство населения, на руках у которого имелись в основном “советские” и “керенки”.

Кооперативы, так же, как и горожане, имевшие в кассе в качестве наличности все те же “керенки” и “советские”, вынуждены были вырабатывать новые правила работы и свои котировки валюты. Невзирая на трудности, они сумели продолжить свою деятельность и в это время планировали открытие Кооперативного Краевого Банка.

Отсутствие твердого курса валют стало болезненной проблемой как для учреждений, предпринимателей и Магистрата города, так и для рядовых горожан. Неоднократно эта проблема поднимается на страницах “Минского курьера”. Публикации, затрагивающие хозяйственную и финансовую жизнь города, в качестве основной причины, мешающей нормализации деятельности учреждений, установлению на рынках приемлемого уровня цен, называют именно отсутствие твердого денежного курса.

Решение этой проблемы ожидалось от банков. И в поразительно короткие сроки ряд кредитных учреждений, функционировавших в городе еще перед Первой мировой войной, в той или иной мере сумел возобновить свою деятельность. Однако очень скоро стало ясно, что задача нормализации денежного обращения им не по плечу.

Надежды на установление твердого курса, возлагаемые на правительственный банк и само правительство, также оказались напрасны. В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки в директивном порядке ввести в городе твердый денежный курс, но решить эту проблему оккупационным властям так и не удалось. Именно в начальный период оккупации была заложена основа для ряда негативных явлений, получивших дальнейшее развитие в последующие месяцы.

³⁶ В городском кредитном обществе // “Минский курьер” № 8 от 02.09.1919. С. 4.

³⁷ В 1-м ссудосберегательном товариществе // “Минский курьер” № 8 от 02.09.1919. С. 4.

³⁸ В Купеческом банке // “Минский курьер” № 8 от 02.09.1919. С. 4.

³⁹ Биржа 27 августа // “Минский курьер” № 3 от 28.08.1919. С. 4; Биржа 29 августа // “Минский курьер” № 5 от 30.08.1919. С. 4; Биржа 31 августа // “Минский курьер” № 7 от 01.09.1919. С. 2.

⁴⁰ Совещание представителей банков и кооперативов // “Минский курьер” № 4 от 29.08.1919. С. 4.

⁴¹ К приезду правительственного банка // “Минский курьер” № 9 от 03.09.1919. С. 4.

⁴² В местных банковских кругах // “Минский курьер” № 11 от 05.09.1919. С. 4.

⁴³ Финансы г. Минска // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 4; О смете г. Минска // “Минский курьер” № 8 от 02.09.1919. С. 4.